ИКОННИКОВА О. С.

**РОМАН М. САЙГИНА «РАЗЛОМЫ» В РАЗВИТИИ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
МОРДОВСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОМАНИСТИКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются художественные особенности романа М. Сайгина «Разломы». Проводится анализ новаторских достоинств произведения, значительно обогатившего традиции мордовской национальной историко-революционной романистики.

Ключевые слова: роман, романистика, новаторство, эпическая традиция, историко-революционная проза.

IKONNIKOVA O. S.

**EPIC TRADITIONS IN MORDOVIAN HISTORICAL NOVEL:
A STUDY OF M. SAIGIN'S NOVEL "RIFTS"**

Abstract. The article considers the features of the novel "Rifts" by M. Saigin. The author analyzes the innovatory value of the novel in the framework of Mordovian national historical and revolutionary novel.

Keywords: novel, novelism, innovation, epic tradition, historical and revolutionary prose.

В современную эпоху эстетическое и познавательное значение историко-революционной прозы заключается, на наш взгляд, в реалистическом воссоздании событий и обстоятельств сурового переходного времени, осмыслении роли отдельного человека и групп людей в судьбе страны, реставрации колорита прошлого, анализе побед и совершенных ошибок с тем, чтобы проецировать их на будущее и никогда не повторять. Первые десятилетия XX столетия – трагическое и противоречивое время в истории России. Художественное исследование этого периода дает возможность читателю поразмышлять не только над острыми социально-политическими проблемами прошлого и современности, но и глубокими философскими вопросами бытия. В актуализации извечных онтологических проблем заключается актуальность и востребованность историко-революционной прозы. Произведением такого уровня является роман М. Сайгина «Разломы», ознаменовавший заключительный этап становления мордовской историко-революционной романистики.

Следует сказать, что среди мордовских исторических романов значительная часть – историко-революционные повествования. Данный факт исследователи объясняют следующим образом: «... в эпоху массовых движений, социальных катаклизмов гуманистические идеи романа, утверждавшего абсолютную ценность личности, вступают в противоречие с процессом обесценивания человеческой личности. Антропоцентризм романа,

строящегося вокруг одной или нескольких человеческих судеб, сменяется аморфностью многофигурных композиций, героем эпоса становится масса людей, толпа. Данная тенденция, свойственная мордовской литературе еще начала XX века сохранилась и в дальнейшем, что обусловило создание большого числа произведений, описывающих периоды значительного общественного напряжения (Октябрьская революция, Гражданская война, коллективизация)» [2, с. 281]. Социально-политические условия первых десятилетий прошлого столетия, роль личности в революционном изменении жизненного уклада, трагизм времени и судьбы страны находят осмысление в романах А. Куторкина «Черный столб», «Яблоня у большой дороги», «Бурливая Сура», К. Абрамова «Лес шуметь не перестал», «Люди стали близкими», А. Мартынова «Дорогой отцов», А. Щеглова «Дважды рожденный» и др. Несмотря на идеологическую окрашенность многие произведения и в начале XIX века не утратили своей художественной ценности.

Роман в трех книгах М. Сайгина «Разломы» стоит в ряду таких образцов исторической прозы и одновременно является новаторским опытом мордовской литературы. В нем автор заявил о себе не только как знающий дело мастер слова, но и как серьезный историк. При работе над сюжетной линией и композиционными ходами им были использованы научные труды мордовских историков М. В. Дорожкина, К. А. Каткова, И. А. Яшкина, В. А. Юрченкова, а также газетные публикации, относящиеся к описываемому периоду.

Писатель с эпическим размахом реконструирует факты из истории мордовского края и всей России (Первая мировая война, перестройка деревни, Гражданская война, коллективизация), при этом масштабность, панорамность нарратива не заглушает нравственно-этической проблематики и индивидуальных «голосов» действующих лиц. Романист представляет объективную картину качественных изменений не только в общественной жизни и быту, но и в народном сознании, мировоззрении людей, оказавшихся в жестоких, порой нечеловеческих тисках «великих переломов» и «проломов». Особое внимание уделяется воссозданию жизни мордовского крестьянства в годы революций и коллективизации сельского хозяйства.

М. Сайгин – романист с большим творческим багажом (трилогия «Ураган», «Глубокие корни», «Теплый ветер»). Он творит в традициях мордовской исторической прозы, преемственно продолжает эстетические поиски А. Куторкина, Т. Кирдяшкина, К. Абрамова, А. Мартынова, А. Щеглова, но как самобытная творческая индивидуальность обогащает данное направление новыми образами, проблематикой, путями и средствами ее воплощения.

Справедливо говорить о новаторских чертах романа «Разломы», проявляющихся, по утверждению С. В. Шеяновой, «...в содержательных и структурно-стилевых доминантах произведения, определяющихся синтезом эпического художественного сознания с тенденцией к философизации повествования, преобладанием лирико-психологической ветви эпической традиции, новофункциональным использованием элементов устного народного творчества и бытописания» [3, с. 120]. Следует добавить, что новаторским является сам подход М. Сайгина к решению темы коллективизации и сталинских репрессий. К сожалению, в мордовской литературе данный круг вопросов не относится к художественно подробно разработанным. Тем весомее вклад писателя в развитие традиций исторической прозы.

Первая книга «Душевой надел» повествует о предреволюционной жизни мокшанского села Ежовка. В центре внимания автора судьба семьи Луки Пахомова. Уже первое событие, описанное в самом начале повествования, – рождение второго сына Луки – дает представление об укладе деревенской жизни. Со слов молящего Господа о рождении сына, а не дочери, героя читатель узнает, что «...женскому полу душевых наделов не отмеряют. А есть и пить они все равно просят. Несправедливо же это, Господи...» [1, с. 7]. В сердцах он стал перечислять порядки на селе: беднякам выделялась самая плохая земля, на которой кроме овса и ржи ничего не растет, поэтому у многих выращенного урожая не хватало, приходилось занимать у местного богача Цягодая, потом отдавать после уборки, потом снова занимать, и так по замкнутому кругу кабалы и зависимости. В такую долговую яму попал и Лука, что привело семью к трагедии – гибели старшего сына Кольки, простывшего на работах у Цягодая. Данный момент становится завязкой конфликта между Пахомовым и Келаськиным, который следует интерпретировать не как межличностный конфликт, а социальный – противоборство социальных слоев (крестьянство и кулачество), двух идеологий, мировоззрений. Противостояние Луки и Цягодая в дальнейшем получает символический подтекст: извечная борьба света и тьмы, добра и зла, справедливости и бесчестия. Если Пахомов – воплощение народной нравственности и морали, то Цягодай – приспособленец, который живет, руководствуясь не этическими принципами, а в поисках собственной выгоды и материальной наживы.

Первая часть романа подводит к размышлениям о земле, ее цене для крестьянина, Первой мировой войне, организации и роли крестьянских артелей. Повествование реалистично, насыщено бытовыми деталями, образы типичны и индивидуализированы одновременно, речь персонажей построена на нормах разговорного языка, что в совокупности воссоздает полноценную картину деревенской жизни начала XX столетия.

Кульминацией второй книги «Кровавый закат» и романа в целом является сцена расправы местных кулаков над продотрядовцами и артельщиками, в числе которых была и семья Луки Пахомова. «Несколько телег, составленных вместе, сгорели почти дотла. В стороне от повозок были свалены мертвые тела сожженных и убитых артельщиков. Раненых не было, видно, добивали в упор. Семен лихорадочно принялся растаскивать тела. В самом внизу, подтянув ноги к животу, лежала женщина. Он узнал ее, ...осторожно перевернул Просу лицом вверх. На груди темнела большая пробоина. Когда он переворачивал сестру, из-под нее, всхлипывая, выполз окровавленный комок. Это был Минька, весь залитый кровью...» [1, с. 271]. Очевидно, описание трагической картины выдержано в натуралистических тонах. Однако об убийстве, нечеловеческом поступке, необходимо писать жестко, без прикрас. Мы не вправе давать однозначную оценку историческим событиям, однако данная сцена убедительно показывает, кто в то сложное время взял на себя право вершить суд над людскими судьбами, и на чьей стороне оказывается автор.

В данной части романа остро поставлены вопросы о проведенной “всеми правдами и неправдами” коллективизации деревни. Если в произведениях 1950–1980-х гг. этот процесс был представлен в несколько патетических тонах, то М. Сайгин предельно достоверен и не обходит стороной тот факт, что достаточно часто «кулаками» называли середняков-тружеников. В круге обозначенной проблемы интересен образ Нестора Пахомова, старшего брата Луки. Нестор был мастеровой человек по кожевенному делу, столярной и плотницкой части. Семья имела добротное хозяйство, однако делами управлял сам Нестор и его сыновья, работников они никогда не держали, тем не менее, старший Пахомов был объявлен «кулаком» и «раскулачен», иными словами разграблен, унижен, оклеветан.

Автор проникает глубоко во внутренний мир человека труда, анализирует его поступки, поведение, мировоззрение и приходит к выводу о том, что именно на таких «кулаках» веками держалась российская деревня, но в угоду приказам и постановлениям высшей власти она была растерзана. В романе об этом повествуется в форме несобственно-прямой речи Луки: «Помещиков – долой, кулаков прижали, так ведь и крестьянину-бедняку совсем жизни не стало. Земли добавили – это хорошо, да ведь разверстка хуже засухи амбары опустошает. Мужика попроси раз – он даст, вдругорядь попроси – пояс потуже затянет и опять даст. И вот на тебе, опять декрет – опять неси зерно. Лука-то ведь сам хлебороб, знает, сколь у кого и на что зерна припасено. А то ведь ищут излишки, которых нет. Идут к мужику за последним пудом...» [1, с. 272]. Подобные внесюжетные экспозиции выполняют в повествовании несколько функций: актуализируют сложные общественно-политические проблемы (вопрос о национальной политике и поддержке крестьянства),

воссоздают особенности жизни народа в период НЭПа и коллективизации, раскрывают уровень самосознания отдельных персонажей.

Третья часть романа «В тяжкую пору» тематически несколько отличается от первых двух не только пространственно-временными границами, но и стремлением автора актуализировать проблемы становления национальной интеллигенции в 1930-е гг. Последняя книга «Разломов» «стала одним из первых крупных произведений в мордовской литературе, где «открытым текстом» передана вся правда о культе личности Сталина, драматизме и неопределенности того периода. Стремление автора масштабно изобразить жизнь привело к рассмотрению ее в историческом разрезе и показу сегодняшнего в тесном сплетении и сравнении с прошлым» [4, с. 61]. М. Сайгин глубоко осознавал, что настоящее взаимосвязано с прошлым, а без прошлого нет будущего. Данная мысль придает роману актуальность и философский оттенок.

В третьей книге особый исследовательский интерес вызывает образ председельсовета Матвея Каргина, возглавившего в Ежовке не только колхозное движение, но и антирелигиозную кампанию. Матвей считал, что с работой ему повезло. На земле трудиться он не умел и не любил, отцовского ремесла печника не освоил, а в сельсовете место «обсиженное», «теплое». Особенно гордился борец с «очагом религиозного дурмана» заготовленными антипасхальными лозунгами: «Против Пасхи – за большевистский сев», «Силы ударных безбожных бригад – на выполнение промфинплана» [1, с. 336. Однако борьбу со стариком Тихоном Мазиным, священником местной церкви, он ведет не из-за его деятельности, а из-за личной неприязни к сыну Тихона – Кузьме. Люди давно раскрыли «бюрократическую» душу Каргина, не любили и не уважали его. Свое отношение к антирелигиозной пропаганде автор выразил посредством слов священника Мазина: «В церковь ходить Советская власть никому не запрещает. Мы сюда силком никого не заманиваем. А коли народ к Богу тянется, так ты ему не мешай» [1, с. 339]. Следует сказать, что никто из предшественников М. Сайгина не затрагивал вопросов религии и власти, советская идеология за них однозначно решила этот спор. М. Сайгин, как самый поздний представитель историко-революционного направления в национальной прозе, имел возможность реабилитировать умышленно замалчиваемую тему.

Таким образом, роман М. Сайгина «Разломы» следует оценивать как органичное звено в процессе развития мордовской исторической романистики. Согласимся с мнением литературоведа С. В. Шеяновой о том, что он «решает задачу, общую для всего литературного процесса последних десятилетий, – крупное, цельное изображение характера, художественное исследование исторически обусловленной психологии конкретного человека, личности» [4, с. 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайгин М. Разломы: роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 432 с.
2. Шеянова С. В. Мордовский исторический роман: вопросы жанра, истории и поэтики // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 11. – С. 280–288.
3. Шеянова С. В. Обновление эпической традиции в историческом романе М. Сайгина «Трудное счастье» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 1 (2). – С. 119–122.
4. Шеянова С. В. Современная мордовская проза (на материале творчества М. Сайгина). – Саранск, 2007. – 76 с.